

**КРЕСТЬЯНСКАЯ ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОБЩИНА
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
МАРТА–ОКТЯБРЯ 1917 Г.**

Л.В. Алиева

Псков, Псковский государственный университет

В России XIX – первой трети XX в. было проведено несколько реформ, в которых крестьянская поземельная община выступала одним из основных объектов. Судьба ее реформаторами решалась по-разному: в ходе реформы 1861 г. правительство сохранило общину, однако при подготовке столыпинской аграрной реформы был взят курс на ее разрушение. Земельный Кодекс 1922 г. оформил общину в качестве «земельного общества», сохранив ее, но де-юре урезав права. Эти положения общеизвестны. Вместе с тем, вне поля внимания специалистов по аграрной истории России, как правило, оставался хотя и непродолжительный, но крайне важный для судеб русской крестьянской общины временной промежуток с марта по октябрь 1917 г.

Революционные потрясения России в начале 1917 г. со всей очевидностью показали необходимость крупных перемен в области земельных отношений. В то же время роковая неизбежность широкой земельной реформы и возможные драматические последствия ее реализации настораживали, если не сказать – страшили, – не только представителей умеренных и консервативных кругов, но и социалистические партии, что стало одной из причин переноса начала аграрной реформы на более отдаленную перспективу, как минимум – до созыва Учредительного собрания. Постановлением Временного правительства от 21 апреля 1917 г. был создан Главный земельный комитет, который должен был изучить вопрос о земельных нуждах населения и подготовить к Учредительному собранию новый закон о земельном устройстве.

Главный земельный комитет (ГЗК), определив на первой сессии, состоявшейся 19 мая 1917 г., цель будущей реформы – передать все земли в пользование трудового населения, на второй сессии (20 мая 1917 г.) приступил к разработке основных положений земельной реформы. Для решения этой задачи было необходимо дать актуальные ответы на ряд вопросов, традиционно обсуждавшихся на стадии подготовки земельных реформ в России: 1) судьбы земельного строя (ликвидация/сохранение; полностью/частично); 2) принципы построения новых земельных правоотношений (пользование/владение; государственное/частное); 3) принципы распределения (перераспределения) земельного фонда (коллективно/единолично; насильственно/мирно; за выкуп/безвозмездно); 4) нормы земельного обеспечения (потребительная/трудовая; минимум/максимум; единые/индивидуальные).

В ходе обсуждения и разработки аграрной реформы оформилось несколько точек зрения на вопрос о судьбе существующего земельного строя, прежде всего, об участии крупных частновладельческих, а также церковных, монастырских, удельных и кабинетских земель.

Первая – официальная – точка зрения была озвучена в воззвании Временного правительства еще 19 марта 1917 г. Она сводилась к призыву не изменять до-революционного земельного строя.

Сторонники второй точки зрения выступали за передачу помещичьих земель крестьянам. Различия крылись лишь в способах передачи: насильственно либо мирно, безвозмездно либо за выкуп и т.д. Наиболее популярными в крестьянской среде при этом были взгляды социалистических партий, особенно эсеров.

Третья точка зрения сводилась к признанию неотвратимости рациональной организации крестьянского хозяйства и, не отвергая вовсе необходимости ликвидации крупной частной земельной собственности, признавала возможной передачу лишь части помещичьих земель крестьянам.

Пока велись споры между представителями всех противоборствующих сторон, крестьянская община, не дожидаясь решений Учредительного собрания, взяла инициативу в свои руки и приступила к перераспределению земельного фонда на основе собственных представлений о справедливости, включая в передел помещичьи, церковные и монастырские земли.

Земельные правоотношения в результате революции, безусловно, должны были претерпеть существенные изменения, тем более что разработчики реформы констатировали факт запутанности земельных отношений вследствие столыпинского землеустройства. Дабы препятствовать распространению неконтролируемых изменений земельных отношений, С.Л. Маслов даже предлагал запретить выдел из общин [9, с. 115], однако такого рода способ «замораживания» земельных отношений не встречал всеобщей поддержки. Более того, на заседаниях комиссии ГЗК по перераспределению земельного фонда некоторые докладчики высказывали мнение о том, что в связи с перераспределением земель необходимо признать допустимым вселение новых поселенцев в те общины, где имеется избыток земли сверх определенной потребительно-трудовой нормы. Это позволило бы решать проблему аграрного перенаселения, но неизбежно усиливало запутанность в поземельных отношениях. Поэтому от определенного решения вопроса о земельных правоотношениях комиссия уклонялась, однако всем было очевидно, что он должен был быть решен уже в ближайшем будущем [5, с. 12].

Вопрос о будущих формах землевладения в рамках дискуссии о земельной реформе считался не самым важным, хотя и он тоже требовал скорейшего разрешения. Эсер Н.Я. Быховский выступал за социализацию земли, которая вместе с тем должна была сохранить за каждой общиной ее право внутриобщинного распределения земельного фонда [6, с. 22–23]. Народнические партии в целом полагали, что вновь прирезанные земли можно будет признать государственными, и что постепенно крестьянство привыкнет относиться и к своей наделенной земле, как к государственной. Кадеты же отстаивали право частной собственности на землю, которая должна была способствовать и улучшению крестьянского хозяйства.

Несомненным было одно: ни в правовом сознании, ни в законе нельзя было объяснить существование различных юридических норм по отношению к земле, но это было делом будущего, а в революционный период решение проблемы унификации земельных правоотношений обрастало многочисленными спорами и конфликтами, препятствуя выработке единых подходов к принципам построения новых земельных правоотношений.

При обсуждении механизмов распределения земельного фонда на заседаниях ГЗК весной – осенью 1917 г. неоднократно звучала мысль о том, что «наиболее простым, производственно целесообразным и в то же время опирающимся на народное правосознание способом распределения земельного фонда является его передача тем, кто на нем теперь трудится; причем земля прирезается селениям, но конечное ее распределение предоставляется им коллективно» [7, с. 29]. Эта точка зрения разделялась практически всеми членами ГЗК независимо от их партийной принадлежности. Они полагали, что преобразования должны быть настолько сложными, крупномасштабными и стремительными, что государственный аппарат совершенно не в силах был бы заниматься наделением земель каждого отдельного лица. Учитывая данное обстоятельство, многим казалось очевидным, что между государством и от-

дельными крестьянскими хозяйствами должен находиться особый коллектив – община, и только она сможет обеспечить интересы всех отдельных хозяйств – и многодочных, и малодочных – в силу наличия богатого, многовекового опыта по распределению земель. О необходимости передачи земли общинам говорили в этот период и Н.Д. Кондратьев, А.А. Рыбников, С.Л. Маслов, Н.И. Ракитников. Более того, в споре о справедливом распределении земельного фонда неоднократно звучали предложения по возрождению тех общин, которые существовали как административные единицы, прекратив на своей территории переделы земли.

Вопрос о возмездности передачи земли крестьянам решался неоднозначно. На первой сессии ГЗК ставился вопрос об оплате крестьянами передаваемой им земли. Однако I Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов в мае 1917 г. было объявлено, что земля должна перейти в пользование крестьян без всякого выкупа. Б.Д. Бруцкус отмечал, что «об изъятии у крестьян ренты с их наделных земель нельзя серьезно говорить. Крестьяне за эти земли внесли большую часть выкупного платежа и никакая власть не позволит себе экспроприировать у них доход с благоприобретенного капитала» [1, с. 10]. Однако тем же Б.Д. Бруцкусом указывалось на то, что помещичьи земли не могут быть переданы крестьянам на безвозмездной основе, т.к. они частично были заложены, и «по складным должен кто-то платить» [6, с. 43].

Революционные изменения неизбежно привели к поиску решения проблемы крестьянского малоземелья и определению норм обеспечения землей. Нормы нужны были для того, чтобы осуществить более равномерное распределение земли, вновь отводимой в ходе реализации земельной реформы. В случае передачи земли общинам, при переделах земельного фонда в силу вступили бы нормы, идущие из повседневной крестьянской практики, складывавшейся веками, но поскольку к единому мнению о роли общины в будущих аграрных преобразованиях разработчики реформы не пришли (как, впрочем, и по другим вопросам), к решению обозначенной проблемы приступили специалисты, которым на теоретическом уровне необходимо было обосновать те принципы распределения земель, которые были призваны раз и навсегда решить аграрные проблемы.

В связи с методологическими поисками исчисления минимальной нормы наделения крестьян землей в публикациях февраля – октября 1917 г. все чаще появляются такие понятия, как «организационно-производительный минимум», «потребительная норма», «трудовая норма», «потребительно-трудовая норма».

Под организационно-производительным минимумом подразумевался участок земли «таких размеров, чтобы при соответствующем уровне сельского хозяйства в данном районе крестьянская семья могла удовлетворять свои потребности, но не вполне, а в рамках некоторого относительного малоземелья» [3, с. 23]. Такой подход был обусловлен тем, что до полного наделения – до потребительной нормы – имеющихся пахотных земель, по всей вероятности, будет недостаточно, а некоторый недостаток земли (1 – 2 десятины) будет способствовать переходу крестьян к более интенсивным формам земледелия.

Потребительной нормой считалось количество земли, необходимое для того, чтобы удовлетворить все потребности семьи – в пище, в жилище, в одежде, в обустройстве, в образовании [2, с. 11].

При наделении крестьян землей по трудовой норме предполагалось предоставление земельного участка такой площади, которая может быть обработана трудом только самого крестьянского хозяйства, без применения труда наемных работников [2, с. 9].

Потребительно-трудовая норма как единица обеспечения крестьян землей

мыслилась как норма, отвечающая всей совокупности разнообразных условий того или иного района [3, с. 23].

В.И. Ленин критически относился к разработке подобных «норм» как средству разрешения аграрного вопроса. На I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов он говорил, что «какие бы "нормы" не устанавливали, они останутся в лучшем случае непригодными для жизни потому, что они не считаются с тем главным фактором, что собственность на орудия, на скот, на деньги распределены неравномерно» [4, с. 184]. Добавим к этому, что для нахождения любой из этих норм нужны были не средние величины, а точные данные массовых обследований.

Несмотря на свою утопичность, вопрос о трудовой и потребительной норме наделения крестьян землей обсуждался в рамках работы специальной комиссии при ГЗК. На одном из заседаний этой комиссии Н.П. Макаров представил доклад о нормах наделения земель, отметив, что вычислив нормы, государство не сможет во всех волостях обеспечить население землей в соответствии с данными нормами, поэтому непосредственное равенство обеспечения землей невозможно [8, с. 16].

Б.Д. Бруцкус также возражал против выработки норм наделения земель, т.к. проект всероссийского равенства земли было невозможно реализовать в силу целого ряда причин, среди которых важное место занимала психология крестьянских масс. Крестьянам была нужна не земля вообще, а земля конкретная, на которую они претендовали и которую они активно захватывали и которую пускали в передел по традиционно сложившимся нормам.

Таким образом, в дискуссиях о земельной реформе, развернувшихся не только в общественных организациях, но и в правительственных кругах на протяжении весны – осени 1917 г., одно из центральных мест принадлежало общине. В рамках определения основных положений будущей земельной реформы фактически решался вопрос о ее судьбе. При этом он не рассматривался в плоскости разрушения данного института, хотя экономистам и были очевидны издержки существования общинной организации. Речь шла как минимум о сохранении общины, а как максимум – о ее возрождении, особенно в тех местах, где господствовала беспередельная, административная община. Однако различия по аграрному вопросу, обусловленные программными установками, множество прений на отвлеченные темы, сложная внутри- и внешнеполитическая обстановка мешали процессу подготовки реформы, конкретные положения которой так и не были выработаны вплоть до октября 1917 г.

Источники и литература

1. Бруцкус, Б.Д. Обобществление земли и аграрная реформа / Б. Д. Бруцкус. – М., 1917.
2. Дербер, П.Я., Дорохов, П.Н. Как на местах нужно обсудить вопрос о земле / П. Я. Дербер, П. Н. Дорохов. – Б/м., 1917.
3. Долгих, И. Аграрный вопрос и крестьянство по отношению к социализму / И. Долгих. – Самара, 1918.
4. Ленин, В.И. Речь по аграрному вопросу 22 мая 1917 г. // Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. – Т. 32. – М., 1961.
5. Маслов, С.Л. Организация работ по подготовке земельной реформы при Совете Главного земельного комитета / С. Л. Маслов. – Пг., 1917.
6. Основные идеи решения аграрного вопроса. – М., 1918.
7. Труды комиссии по подготовке земельной реформы. – Вып. 1. О крупном землевладении. – Пг., 1917.
8. Труды комиссии по подготовке земельной реформы. – Вып. 2. Нормы земельного обеспечения. – Пг., 1917.
9. Хитрина, Н.Е. Аграрная политика Временного правительства в 1917 г. /Н. Е. Хитрина. – Н. Новгород, 2001.